

В день окончания семестра фотокружка в университетском выставочном зале ярко горели огни, а голоса сливались в гул, напоминающий шуршание перед экспозицией. Сяо Минь стояла у входа, собрав длинные волосы в хвост и облачившись в простую кремовую рубашку. В руке она сжимала папку для заданий с филологического факультета, не решаясь шагнуть внутрь.

Уже целый месяц она не заглядывала в помещение кружка. Позади остался свет былой уверенности, а страх и тоска сплелись в тугую сеть, заставляя её намеренно избегать этого места. Пейзаж ночных уличных фонарей, отпечатанный прошлой ночью, всё ещё лежал между страниц её дневника. И хотя сам звук затвора показался ей непривычным, он дал ей понять: столкнувшись с игрой света и тени в одиночку, она, пожалуй, сможет снова встать перед объективом.

Но готова ли она сделать этот шаг? Толпа в зале медленно двигалась, стены пестрели работами членов кружка, а прожекторы заливали пространство кругами тёплого жёлтого света.

Опустив голову, Сяо Минь пробиралась сквозь людей, скользя взглядом по незнакомым композициям: городские пейзажи старшекурсников, портреты, абстрактные световые пятна. Сердце забило чаще. Она искала глазами знакомый силуэт, но прежде её внимание привлекла выставка на стене — серия снимков под названием Внутренний объектив. Чёрно-белые фотографические карточки были аккуратно выстроены в ряд, а тонкая игра света и тени поразительно напоминала их прежнее взаимопонимание.

Первый снимок: случайная встреча у клубной палатки, слепящее солнце, распущенные волосы и лёгкая робость во взгляде. Второй: дождливый день под карнизом крыши, её мягкий профиль прижался к чужому плечу. Третий: полдень в аудитории, она поворачивается с улыбкой, а сквозь листву пробиваются пятна солнечного света. На каждом снимке значилось имя Сяо Лунь, каждый запечатлел их общий путь — от недопонимания до близости, — застывший в вечности.

У Сяо Минь перехватило дыхание, пальцы легко коснулись края фотобумаги. В самом центре располагался силуэт на фоне утреннего тумана у озера: она сама с опущенными на плечи ивовыми ветвями, а выражение лица тихое и ясное. Ниже карандашом было выведено: Наше утро. Самый чистый свет. К горлу подступили слёзы. Подняв голову, она увидела Сяо Лунь: короткие аккуратные волосы, закатанные рукава рубашки, та негромко объясняла кому-то из старших студентов композицию кадра.

Косые лучи заката падали из высокого окна, покрывая её фигуру тонкой золотой каёмкой. Её отрешенный профиль не изменился, но в нём появилась едва уловимая нотка одиночества. Сердце Сяо Минь сжалось, и слова из письма — объектив всё ещё здесь — ожили наяву.

Глубоко вздохнув, она направилась к выставочной зоне. В промежутке между людьми Сяо Лунь обернулась и заметила её. Сначала она чуть замерла, но тут же уголки её губ приподнялись. Эта улыбка была такой же мягкой, как прежде — ни упрёков, ни распросов.

Остановившись перед стеной, Сяо Минь тихо произнесла:

— Эти фотографии... оказывается, ты всё сохранила.

Сяо Лунь кивнула, подошла ближе и ответила:

— У каждой есть своя история. С самого твоего прихода в кружок.

Она указала на снимок со слепящим солнцем:

— В тот день тебе казалось, что мир предельно ясен, но именно тогда он начал сиять.

Затем она коснулась кадра под дождём:

— Дистанция в минуты страха оказалась самой искренней.

И наконец замерла у силуэта в утреннем тумане:

— А это — поворотный момент.

Сяо Минь коснулась пальцами фотобумаги, её голос слегка дрожал:

— Я была неправа. Мне не следовало убегать, не следовало позволять страху стирать нас.

Сяо Лунь на мгновение умолкла, в глубине её глаз промелькнула нежность. Тихим голосом она произвела:

— Я понимала твой страх. Те взгляды, шёпот за спиной... Пусть внешне я казалась спокойной, но видела, как каждый день ты натягиваешь на лицо улыбку.

Подняв голову, Сяо Минь смахнула покотившуюся слезу:

— После расставания я получила твоё письмо и только тогда поняла, что бегство лишь увеличивает пустоту. Я научилась нажимать на затвор сама — снимала ночные пейзажи, уличные фонари. Впервые не я была перед камерой, а сама ловила свет. Но тем кадрам вечно не хватало взгляда твоего объектива.

Сяо Лунь протянула руку, на секунду помедлила и крепко сжала её запястье. Её ладонь была тёплой, словно утренний кофе в тумане:

— Я всё ждала, когда ты вернёшься в кадр. В клубной комнате ванночки для проявки, твоё пустое место и плёнка — всё ждало тебя.

Лучи закатного солнца лились из окон выставочного зала, прожекторы сплетались с вечерней зарёй, освещая серию Внутренний объектив.

Сяо Минь и Сяо Лунь стояли плечом к плечу перед стеной. Мимо сновали люди, никто не обращал внимания на их тихий разговор. Знакомые по кружку кивали им и улыбались, а сплетни давно развеялись, словно просроченная фотоплёнка.

Прислонившись к плечу Сяо Лунь, Сяо Минь тихо выдохнула:

— Я боялась. Боялась, что меня выгонят из кружка, боялась ярлыков из-за того, что люблю девушек. Но теперь эти взгляды больше не имеют значения.

Сяо Лунь крепче сжала её ладонь, их пальцы медленно переплелись:

— Важны только мы. От недопонимания до фокуса — объектив никуда не уходил.

Они переглянулись и улыбнулись. Закатный свет падал на их лица, и казалось, будто ничего и не прерывалось: ни расставание на перекрёстке, ни ожидание писем, ни одиночные ночные съёмки — всё это стало частью единой, цельной плёнки.

Под конец выставки участники кружка стали гасить свет, и Сяо Минь помогла Сяо Лунь снять самый последний снимок из серии Внутренний объектив. Аккуратно свернув бумагу в рулон, она тихо спросила:

— Можно ли доснять финал для этой серии?

Сяо Лунь улыбнулась, достала камеру и нацелила объектив на Сяо Минь у закатного окна. Лёгкий верочек шевелил её волосы, заходящее солнце очерчивало мягкий контур лица, и раздался тихий щелчок затвора:

— Теперь — снимаю.

Сяо Минь смотрела прямо в объектив — больше не скованная, а тихая и решительная. Под звук затвора страх был окончательно смыт, а их связь снова поймала фокус.

Когда они вышли из выставочного зала, небо уже потемнело, и вдоль школьных дорожек одна за другой зажглись фонари. Сяо Минь и Сяо Лунь шли плечом к плечу, их плеча то и дело касались друг друга, а шаги постепенно сбивались в единый ритм.

Из дверей клубной комнаты сочился красноватый свет. Сяо Лунь толкнула дверь, пропуская Сяо Минь вперед.

Внутри темной комнаты мерно журчала вода в проявочной ванночке, и они по привычке зажали только что отснятую фотобумагу в зажимы. При красном свете на бумаге стал проступать силуэт Сяо Минь на фоне размытых фигур прохожих. Она смотрела прямо перед собой, её глаза сияли так же ярко, как при первой встрече, но в них появилась новая глубина — тишина человека, прошедшего через испытания.

Когда проявка завершилась, Сяо Лунь закрепила снимок на верёвке и кончиками пальцев коснулась изображения:

— Это — наша встреча вновь.

Сяо Минь улыбнулась и впервые сама отбросила со лба чёлку Сяо Лунь:

— Наш закат.

По дороге в общежитие ночной воздух был свеж и прозрачен, а на небе мерцали редкие звёзды. Сяо Минь раскрыла дневник, вложив внутрь письмо, силуэт в утреннем тумане и свежий снимок заката. Три фотографии лежали рядом: от страха до облегчения, свет и тень сложились в полную картину.

Возвращение не требовало громких слов — лишь безмолвное пересечение объектива и сердец. Перевернув страницу на чистый разворот, она легко коснулась бумаги кончиком пера, и чернила медленно расплылись, оставляя слова: В тот миг, когда мы встретились вновь, объектив на самом деле никогда не покидал нас.

<http://bllate.org/book/21310/2162739>